

Т. Сааки

МЕЖДУ «ПУСТОТОЙ» И «ПРОСТОТОЙ»

О СМЫСЛЕ «VANITÉ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

В докладе на Второй международной пушкинской конференции мы затрагивали вопрос об отрешенности от жизни и привязанности к ней у пушкинских героев. В этой статье мы попытаемся осмыслить значение понятия «vanité» в русской литературе вообще и в творчестве А. С. Пушкина в частности. Если говорить о русской концепции «vanité», то мы, вероятно, можем охватить одну из глубочайших сторон русского духовного мира, еще недостаточно оцененного не только в самой России, но и среди любителей русской литературы в других странах. Русская литература оказала огромное влияние на японцев. По нашему мнению, одна из причин заключается в том, что русская литература пыталась решить ту же проблему, что и японская, а именно — как относиться к непостоянству сего мира.

В последнее время и в русскоязычной литературе появляются суждения, в которых высоко оценивается идея «пустоты». Например, Ю. М. Лотман пишет в статье о Бродском: «Пустое пространство потенциально содержит в себе структуры всех подлежащих созданию тел. В этом смысле оно подобно божественному творческому слову, уже включающему в себя все будущие творения и судьбы. Поэтому пустота богоподобна».¹

Русские писатели давно всматривались в идею «пустоты», небытия и смерти. Но они противопоставляли этой «пустоте» свое собственное осмысление жизни. Лотман пишет: «В статье „Утро акмеизма“ (1910) Мандельштам идеалом поэтической реальности объявил „десятизначную степень“ уплотненности вещи в слове; поэзия отождествляется со строительством — за-

---

¹ Лотман Ю. М. Между вещью и пустотой // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 304. — «Смерть, — пишет Лотман, — это тоже эквивалент пустоты, пространства, из которого ушли...» (Там же. С. 305).

полнением пустого пространства организованной материей. „Для того, чтобы успешно строить, первое условие — искренний пиетет к трем измерениям пространства — смотреть на них не как на обузу и несчастную случайность, а как на богом данный дворец. <...> Строить — значит бороться с пустотой”. Творчество „в заговоре против пустоты и небытия. Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма”².

Тяга к полноте, наполненность и уплотненность является основным принципом не только акмеизма, но и всей русской литературы. Чем наполнить «пустоту»? В решении этого вопроса и проявляется своеобразие каждого писателя.

В летописях — хотя бы в «Повести о разорении Рязани Батыем» — мы видим пример выражения идеи пустоты через позицию самоотрицания. «И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нестъ бо ту ни стонюща, ни плачюща — и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших»³.

На Руси понятие «пустоты» является и причиной горечи, раскаяния, и началом другой жизни. В глубоком отчаянье, порожденном «пустотой», лежит новое начало, «воскресение». В тяжелые дни Пушкин видит в «пустоте» рождение новой жизни и приветствует ее:

Все тот же их знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети.

(«Вновь я посетил...», 26 сент. 1835).

Зрелище новой «зеленой семьи» воскрешает человека. Эта идея передается и другим великим русским писателям, например, Достоевскому.⁴ В этом стихотворении Пушкин сам при-

² Там же. С. 294.

³ Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 190.

⁴ Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 2. Гл. 1: «Когда мне было десять лет, я зимой закрывал глаза нарочно и представлял лист — зеленый, яркий с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал.

— Это что же, аллегория?

знает: «...Много / Переменилось в жизни для меня, / И сам, покорный общему закону, / Переменился я». Однако, по нашему мнению, в душе великого поэта всегда были заключены как идея «пустоты», так и стремление к преодолению этой пустоты.

1. «VANITÉ» ПУШКИНА И «СУЕТА СУЕТ»

В эпитафии к «Евгению Онегину» мы видим французскую фразу, еще не до конца осмысленную комментаторами: «Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire. *Tiré d'une lettre particulière*».

Владимир Набоков упоминает разные французские тексты, в которых фигурируют некоторые слова и выражения, употребленные Пушкиным в данном эпитафии.⁵ Хотя Набоков указывает разные возможности для заимствования — от Байрона до Эдмунда Берка, — но собственно смысла эпитафии он просто не касается.

Русский перевод комментатора представляется не слишком удачным: «Проникнутый тщеславием (sic!), он обладал сверх того той особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого. *Из частного письма*».⁶

Мы полагаем, что слово «vanité» следует понимать приблизительно в том смысле, в каком оно употребляется в Книге Экклесиаста в Ветхом Завете:

Vanité des vanités, dit l'Ecclésiaste,
vanité des vanités, tout est vanité.

В русском переводе сказано так:

— Н-нет... зачем? Я не аллегория, я просто лист, один лист. Лист хорош. Все хорошо.

— Все?

— Все. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 188).

⁵ Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov: in two volumes. Princeton University Press, 1975. Vol. 2. P. 5—10.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 662 (пер. Б. В. Томашевского).

Суета сует, сказал Екклесиаст,
Суета сует, все суета.

Перевод Екклесиаста на европейские языки, в том числе на русский, не слишком удачен, потому что в нем нет ни понятия, ни термина, изображающего сущность «шунья» (непостоянства и пустоты). По мнению М. И. Рижского, словом *суета* не передается до конца смысл еврейского термина «хебел». «Славянским словом „суета” в русском синодальном переводе передано стоящее в оригинальном еврейском тексте слово „хебел” (hebel), и передано неудачно. Потому что в современном русском языке „суета” неизбежно ассоциируется в сознании с суетливостью, бестолковым и суматошным быстрым передвижением туда-сюда. Между тем „хебел” означает нечто иное. В ветхозаветных частях Библии в оригинальном тексте это слово в разных контекстах имеет значения: „нечто ничтожное”, „нестоящее”, „пустое”, „бесмысленное”, „тщетное”, „напрасное” (Пс. 62: 10; Иов. 7: 16), нечто почти неосязаемое, как веяние воздуха (Ис. 57: 13)».⁷

Не только *суета*, но и термин «*тщеславие*» нам кажется слишком ограниченным для выражения глубокого смысла данного слова. Мы думаем, что этим термином («*vanité*») выражается важная сторона русской мысли и что борьба с «*vanité*», которую вели многие русские мыслители, имеет существенные идеологические основания.

Пушкин еще в ранней молодости, возможно, подсознательно, тянулся к уединению, рисуя себя в образе монаха: «Знай, Наталья! — я монах...» («К Наталье», 1813).

Ранние стихи Пушкина проникнуты чувством «пустоты»:

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушение.
Наш век — неверный день, всечасное волнение.
(«*Безверие*», 1817).

Такое же чувство «пустоты» присутствует, по существу, на всех этапах жизни великого поэта:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

⁷ Рижский М. И. Библейские вольнодумцы: Иов и Екклесиаст. М., 1992. С. 195—196.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

(1829)

Мы не можем определить, откуда мысль о пустоте укоренилась в молодой душе, какое жизненное переживание внушило Пушкину такой образ. Ясно лишь, что он не чужд реминисценциям из Экклесиаста:

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!

(«Орлову», 1819)

Однако Пушкин стремится к преодолению понятия «пустотности». Например, в стихотворении «Таврида» (1822) мы увидим образ, сходный с французским эпитафием к «Евгению Онегину».

ТАВРИДА

Gib meine Jugend mir zurück!
Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я все не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека! <...>

Несмотря на то, что Пушкин сам глубоко познал «пустоту» жизни в бренном мире, в его борьбе против «ничтожества» заключается одна из главных идей великого поэта. Зная непостоянство сего мира, бренность жизни и тщету человеческого труда, Пушкин все же не хочет поддаваться чувству «vanité» и считает понятие «ничтожества» (nihil) чуждым мысли человека. Мы думаем, что напоминание о «мысли человека» представляет собой отклик Пушкина на слова Экклесиаста «Vanité des vanités, ... tout est vanité».

II. ТЩЕТА ЗЕМНЫХ СТРАСТЕЙ

«Бахчисарайский фонтан» является типичным примером выражения *пустоты*, тщеты человеческой земной власти, величия и славы:

Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где, бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах

<...>

Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось... но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью <...>

Для японцев в связи с этими образами естественно вспомнить стихотворение известного японского поэта Мацуо Басё:

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.⁸

И тот же мотив звучит и в стихотворном вступлении к эпосу «Повесть о доме Тайра»:

В отзвуке колоколов,
оглашавших пределы Гиона,
Бренность деяний земных
обрела непреложность закона.
Разом поблекла листва
на деревьях сяра в час успенья —
Неотвратно грядет
увяданье, сменяя цветенье.
Так же недолог был век
закосневших во зле и гордыне —
Снам быстротечных ночей
уподобились многие ныне.
Сколько могучих владык,
беспощадных, не ведавших страха,
Ныне ушло без следа —
горстка ветром влекомого праха!⁹

Между Пушкиным и японскими поэтами есть удивительное сходство: стремление понять этот мир как непостоянный и

⁸ Летние травы: Японские трехстишия / Пер. с японского В. Марковой. М., 1993. С. 69.

⁹ Повесть о доме Тайра / Пер. со старояпонского И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М., 1982. С. 27.

бренный, увидеть «пустоту» в человеческих деяниях. Однако у Пушкина позднего периода мы видим более снисходительную оценку человеческих слабостей, чем у японских поэтов. Достаточно напомнить, с какой любовью Пушкин изображал своих «маленьких людей» — таких, как Вырин или Евгений из «Медного всадника».

Однако молодой Пушкин трезво понимает извечную слабость человека, проистекающую из непобедимой страсти. Если в «Бахчисарайском фонтане» выражено непостоянство и тщета земной власти, то в поэме «Цыганы» раскрывается также и непостоянство любви между мужчиной и женщиной, и трагедия человеческой «привязанности». Алеко, страдающему от ревности, старый цыган проповедует непостоянство любви, уподобляя «сердце юной девы» изменчивой и непостоянной «вольной луне». Но Алеко не может отринуть свою привязанность к Земфире:

Как она любила!
Как нежно, преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!

Старик же на своем горьком опыте постиг «пустоту» любви:

Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

В стихотворении «К Каверину» мы также находим подтверждение словам старого цыгана:

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг <...>

Несомненно, и эти фразы берут начало из Книги Экклесиаста. Алеко впадает в ад земной «привязанности», предается злобой ревности и не слушает совета старика:

Я не таков. Нет, я, не споря,
От прав моих не откажусь;
Или хоть мщеньем наслажусь.

Из ревности Алеко убивает Земфиру и ее любовника. Алеко — герой, отрекшийся от городской жизни и ушедший на лоно вольной природы. Однако Пушкин не дает своему герою остаться в состоянии «вольности». Алеко весь поработчен страстью — не любовью, а ревностью и злобой. Это страсть, но жестокая, лишенная милосердия.

Как известно, Ф. М. Достоевский в этой связи писал о мнимой отрешенности от почвы. Бежавший от общества на лоно природы, Алеко не может терпеть вольности этой природы, раз она ему не послушна. «Понятно, женщина, „дикая женщина“, по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире: „Вот, дескать, где исход мой, вот где, может быть, мое счастье, здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!“ И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагрывает свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его — без отмщения, без злобы, величаво и протодушно:

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим.

Все это, конечно, фантастично, но „гордый-то человек“ реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить».¹⁰

Отсюда Достоевский делает переход к своему суду над «лишними людьми»: «Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, „проклятого вопроса“, по народной вере и правде: „Смирись, гордый человек, и прежде всего сломь свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве“; вот это решение по народной правде и народному разуму. „Не вне тебя правда, а в тебе, и узришь правду. Не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его“».¹¹

Характерны слова Достоевского: «Узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя». Он оценивает «полноту» выше «пустоты», действие выше бездействия. Русской мысли, в отличие от японской, всегда присуще стремление к заполнению «пустоты».

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 138—139.

¹¹ Там же. С. 139.

С первого взгляда нам может показаться, будто в «Цыганах» превозносится мысль старика о пустоте и отрицается роковая страсть Алеко. Однако Пушкин заканчивает трагедию следующей фразой:

И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Великий поэт признает страсть как основную потребность, укоренившуюся в натуре человека. Следовательно, от страсти человек не может отречься, не может сознательно отказаться от любви или ненависти: «всюду страсти роковые». Не пал ли сам поэт жертвой «роковых страстей»? Пушкин тоже оказался не в силах сопротивляться вызову страстей, несмотря на то, что хорошо понимал их «пустоту», тщету.

Оценивая образы старого цыгана и Алеко, Белинский пишет:

...Несмотря на всю возвышенность чувствований старого цыгана, он не высший идеал человека: этот идеал может реализоваться только в существе *сознательно-разумном*, а не *непосредственно-разумном*, не вышедшем из-под опеки у природы и обычая. Иначе развитие человечества через цивилизацию не имело бы никакого смысла <...>.

Бывают собаки, одаренные не только удивительным инстинктом, <...> но и удивительными добродетелями <...>. И в то же время бывают люди не только с весьма ограниченными способностями, но и с положительно низкими страстями и злостью, развращенною волею. И однако ж самый плохой человек выше самой лучшей собаки. <...> И потому жизнь непосредственно-естественного человека ни в каком случае не может обогатить человечества великим уроком. И если в поэме Пушкина старый цыган способствует, сам того не зная, к преподаванию нам великого урока, то не сам собою, а через Алеко, этого сына цивилизации».¹²

Несмотря на столь низкую оценку дикарей и собак, во мнении Белинского все же есть важный момент, достойный внимания. Как мы увидели, высказывания старого цыгана являются почти парафразами слов Экклесиаста. По Белинскому, и мудрые слова Ветхого Завета могли превратиться в высший разум только через образ Алеко, т.е. человека «цивилизованного» мира. Идея «пустоты» может обогатиться лишь через поступательный процесс цивилизации, следовательно, «пустота» имеет значение лишь в развитии нашего мира. Где нет идеи развития бытия, там идея «пустоты» легковесна.

---

¹² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 7. С. 399.

III. «ПУСТОТА» И «ПРОСТОТА»

В одном из писем 1837 года Белинский пишет: «...для человека с потребностью жизни нельзя долго оставаться в состоянии пустоты: сильнейшее начало его природы скоро должно взять верх, если только он не вздумает удовольствоваться отрицательным совершенством; так как для последнего случая надо родиться подлецом, пошляком, квакером, сектантом и не иметь зародыша человеческой жизни».¹³

В эпоху примирения с действительностью Белинский сам противопоставляет «пустоте» «простоту» и, считая отвлеченную мысль «пустой», пишет, что «главной целью должна быть простота и согласие с действительностью <...>. Кто снова не приобрел простоты, утраченной идеальностию, тот не живет и не знает жизни, и жизнь того не знает. Вся его жизнь — парад и рисование: содержание само по себе, а форма сама по себе. После этого нашему брату не мудрено увидеть во сне свою отвлеченность. Понимаю Николая [Станкевича], понимаю эту великую, генияльную душу; он давно тосковал по этой простоте, он первый объявил гонение претензиям и, в этом отношении, я бесконечно обязан ему; при нем я всегда был *проще*. Он чувствовал себя не довольно простым, а жаждал простоты; вот почему он так завидует людям, может быть, не далеким, но действительным, которые, поэтому, в самом деле лучше и выше его. Вот почему он и мне отдавал преимущество перед собою. Если однажды, когда я ему сказал, что сесть подле любимой женщины и приклониться головою к ее плечу есть блаженство, он ответил мне, что его блаженство выше и я не в состоянии понять его, — то как часто после он говорил мне чуть не со слезами, что я нормальнее, простее его в понятиях о любви».¹⁴

Переход от «пустоты» к «простоте» — вот в чем отличительная черта Белинского в эпоху примирения с действительностью. Хотя этот период жизни критика отрицательно оценивался современниками, но в противопоставлении «пустоты» и «простоты» четко выразилось своеобразие русской мысли вообще. В письме к Станкевичу (1839) Белинский пишет следующее: «И ты напрасно советуешь мне чаще смотреть на синее небо — образ бесконечного, чтобы не впасть в кухонную действительность: друг, блажен, кто может видеть в образе неба

¹³ Там же. Т. 11. С. 168 (Письмо к М. А. Бакунину от 16 авг. 1837 г.).

¹⁴ Там же. С. 387 (Письмо к М. А. Бакунину от 10 сент. 1838 г.).

символ бесконечного, но ведь небо часто застилается серыми тучами; потому тот блаженнее, кто и кухню умеет просветлить мыслью бесконечного».¹⁵

С одной «мыслью пустоты» (*шунья*), с одним чувством «*vanité*» невозможно было бы развитие человечества. Стремление к наполнению, удовлетворению физических потребностей, к достижению мирского счастья — эти мечты «маленьких людей» являются движущей силой в развитии человечества. Между прочим, Пушкина нередко мучили и чувство «пустоты», и «страсти роковые» одновременно. Находясь под строгим надзором, затоптанный цензурой, Пушкин пишет удивительные, философские по духу строки:

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Именно в это время Пушкин выражал Бенкендорфу желание поехать в Париж, но поэту было отказано в прошении.¹⁶

Окружающая действительность угнетала поэта. Пушкин страдал вдвойне из-за «пустоты» и из-за «страсти». Но великий поэт сумел обратить душевные муки в творчество. Так родились шедевры.

IV. ПУСТОТА И ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

Нужно обратить внимание на одну особенность пушкинских произведений: некоторые герои переходят из мира отрешенности к аду привязанности, а не наоборот.

Григорий

Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет

¹⁵ Там же. С. 293 (Письмо к Н. В. Станкевичу от 29 сент. — 8 окт. 1838 г.).

¹⁶ См. письмо Пушкина А. Х. Бенкендорфу от 21 апреля 1828 г. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 11).

По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

(«Борис Годунов»)

Мы можем искать причину в пристрастиях самого Пушкина, который не хотел оставить своих героев в мире отрешенности. Однако не только воля автора, но и сам характер русского народа, может быть, отражается в этом переходе. Резкий переход от духовной жизни к плотской, от ригоризма к воспеванию Вакха. Ни Григорий Отрепьев, ни Германн не возвращаются к прежней аскетической жизни. Интересно, что герои, отрешенные от светской жизни, впадают в ад страсти и становятся особенно жестоки. Например, жестокость и гордость отрешенного человека ярко выражена в «Моцарте и Сальери». Сальери говорит о своей аскетической жизни так:

Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке.

С появлением Моцарта Сальери становится одержим завистью:

А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.

Жестоким стал тот, кто прежде был отрешен и потом сделался одержим завистью, страстью и сомнением. Это мы уже видели в случае с Алеко. И Алеко, и Сальери хладнокровно и жестоко убивают своих близких. Их отрешенность превращается в хладнокровную жестокость, стоит лишь им почувствовать зависть или ревность. Проникшись сомненьем, они лишаются человечности. Пушкин постиг «мнимость превосходства» такого типа героя, «проникнутого идеей *vanité*, равнодушного к добру и ко злу».

V. РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ПУСТОТА

Мы видели отношение Пушкина к «*vanité*», но именно отношение к «*vanité*» определяет позицию многих русских мыслителей.¹⁷

¹⁷ Во многих произведениях Пушкина мы видим конфликт человеческой страсти с «*vanité*». Весьма важное значение в этом контексте имеют такие

Так, еще в XVIII веке масоны, одним из видных представителей которых был Н. И. Новиков, противопоставляли бессмертие пустоте: «...и мы бы вечно пребывали в нашем *первом ничтожестве*, если бы наш творец не преимущественно нас извел из оногo своим всемогуществом. Он восхотел устроить мир, который бы его божества достоин и его премудрости приличен был. И так при сем поступил он как мудрый строитель, который лучшие деревья, лучшие каменья и проч. избирает; и потому мы надежно уверены быть можем, что понеже бог из всех возможных веществ, которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как свое совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь предъизбрал».¹⁸

«Если мы без всякой причины родимся; если в произведении людей нет провидения; если мы случайно для себя только и для своего сладострастия рождаемся и если мы по смерти преобразуемся в ничто, то что может быть так бесполезно, так

слова, как «пустота» и «пустыня». В одних стихах поэтизируется пустыня, противопоставленная городской суете:

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.

(«Послание к Галичу», 1815)

В других случаях на фоне «пустыни», как будто сопротивляясь ей во имя человеческого деяния, выступают герои, стремящиеся к наполнению «пустоты»:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн...

Однако в творчестве Пушкина, как только «пустота» будет преодолена и наполнится, она рискует быть разрушена стихией, и пушкинские герои живут между мечтой и отчаянием:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

(«Медный всадник»)

Чувством непостоянства Пушкин проникнут с молодости до конца жизни:

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...

(«Надеждой сладостной
младенчески дыша...», 1823).

¹⁸ О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // Утренний свет. 1777. Декабрь. — Цит. по: Н. И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 184.

тщетно и так суетно, как человечество и как самый мир?» (цитата из Лактанция, в книге 8).¹⁹

Идеи построения Царства Божьего и «бессмертия души» у русских масонов XVIII века противопоставлены идее «пустоты». Однако А. Н. Радищев покончил жизнь самоубийством, тем выразив сопротивление божьей воле. Декабристы глубоко чувствовали пустоту после победы над Наполеоном, увидев неизменность рабства в России и тщету своих чаяний.²⁰

---

¹⁹ Там же. С. 225. — Касаясь вопроса о бессмертии души, мы можем вспомнить здесь общеизвестное письмо А. С. Пушкина: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent, Créateur et régulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (письмо из Одессы неустановленному адресату; апрель — первая половина мая 1824 г.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 92). Одной из причин ссылки поэта в Михайловское было это письмо, однако уроки «чистого афеизма», вложенные поэтом в романтические поэмы, по нашему мнению, не были провозглашением атеизма, а скорее наоборот, были осуждением идеи «пустоты», лежащей в атеизме. Пушкин прозрел сходство атеизма и идеи «пустоты», давно замеченное в Японии. У нас часто считают атеизмом буддизм, имеющий в основе учения идею «пустоты».

²⁰ Говоря о распространении чувства «vanité», мы не можем не принимать во внимание мрачное состояние России, победившей в войне и освободившей Европу от Наполеона. Декабристы чувствовали глубокое разочарование после Отечественной войны, видя печальное положение своего народа. Победив Наполеона, Россия осталась страной рабства. Из показаний Я. М. Андреевича: «Я роптал и на бога и на царя; и в сем ожесточении старался исследовать источник всего неистовства, коим терзают моих соотечественников, еще в то время, когда не знал ни о каких обществах. А потому и можно верно положить, что много есть таких людей, кои, чувствуя несправедливости, очень негодуют. Итак, вот причина весьма очевидная, которая побудила искать людей, кои бы могли внимать рыданию бедных жителей и стону несчастных солдат, которые так храбро и отлично дрались в кампании 1812-го года, когда отечество было почти поработено неприятелем. Скажите, чего достойны сии воины, спасшие столицу и отечество от врага-грабителя, который попирает святыню, так они, никто другой, спас Россию. И это был долг их. Они клялись престолу и отечеству и твердо выполнили оную; а такое ли возмездие получили за свою храбрость! Нет — увеличилось после того еще более угнетение. Я не говорил бы сего, если бы не был сын отечества верный; я считаю долгом говорить оное.

Стоны жен, вопли детей, плач вдов мужей военных, забытые сироты, престанно попадающиеся нищие, слепые и изувечные, разорение в деревнях крестьян не есть ли доказательство, что отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые несчастья насылает для пагубы соотечественников» (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 3. С. 99).

Чаадаев считал прошлое и настоящее России совершенной пустотой, противопоставляя ей прочный путь развития по божьей воле на Западе. О пустоте истории России он пишет следующим образом: «И в общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустоте и обособленности нашего социального существования. Разумеется, в этом повинен отчасти неисповедимый рок, но, как и во всем, что совершается в нравственном мире, здесь виноват отчасти и сам человек».²¹

Заслуга Чаадаева заключается в указании на пробел, пустоту истории России. Как только было открыто сказано о пустоте истории России, усилилось стремление к ее наполнению — у западников, а у славянофилов — к ее переосмыслению. И Россия оставила для остального мира сокровища русской литературы, глубоко задумавшейся над вопросом «пустоты». Чаадаев видит причину этой пустоты в оторванности от западного христианства: «С этой точки зрения христианская религия является не только нравственной системой, заключенной в переходящие формы человеческого ума, но вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире и чье явленное обнаружение должно служить нам постоянным уроком. Именно таков подлинный смысл догмата о вере в единую Церковь, включенного в символ веры. В христианском мире все необходимо должно способствовать — и действительно способствует — установлению совершенного строя на земле; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Он пребудет в церкви своей до скончания века. Тогда новый строй — царство Божие, — который должен явиться плодом искупления, ничем не отличался бы от старого строя — от царства зла, — который искуплением должен быть уничтожен, и нам опять-таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенстве, которую ледеют философы и которую опровергает каждая страница истории, — пустая игра ума, способная удовлетворять только материальные потребности человека и поднимающая его на известную вы-

---

Возможно, чувство «vanité» усилилось именно после победы в Отечественной войне.

²¹ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона. М., 1913. Т. 1. Философические письма. С. 117.

соту лишь затем, чтобы тотчас низвергнуть в еще более глубокие бездны». ²²

По Чаадаеву, в истинном христианстве нет «пустоты», все имеет значение как необходимая ступень к божьему пути. Где мировая душа, там нет пробела. А в России, где, по его мнению, отсутствует «истинное» христианство, нет ни постоянного развития, ни прочности бытия. В России царит мир Ничтожества — Тщета, Пустота. Западное христианство пополнялось идеями просвещения, а православие топталось на месте, не впитав в себя результатов развития науки.

«Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится на месте? Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам». ²³

Что касается до храбрости русских, которую так хвалят, то Чаадаев видит в равнодушии русских к жизни своеобразное чувство «пустоты»: «Иностранцы ставят нам в достоинство своего рода бесшабашную отвагу, встречаемую особенно в низших слоях народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные проявления национального характера, они не в состоянии судить о целом. Они не видят, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываем так отважны, делает нас всегда неспособными к углублению и настойчивости; они не видят, что этому равнодушию к житейским опасностям соответствует в нас такое же полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи, и что именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования; они не видят, что именно благодаря этой беспечной отваге даже высшие классы у нас, к прискорбию, несвободны от тех пороков, которые в других странах свойственны лишь самым низшим слоям общества, они не видят, наконец, что если нам присущи кое-какие добродетели молодых и малоразвитых народов, мы не обладаем зато ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высоко культурные». ²⁴

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 110.

²⁴ Там же. С. 116.

Если Чаадаев считал историю России «пустотой», то Гоголь фактически изобразил всю действительность России как «пустоту». Чичиков, Хлестаков, городничий, Ноздрев — все это образы пустых людей в стране «мертвых душ». Правда, рецепты от болезни у Чаадаева и у Гоголя были разные: один опирался на католицизм, другой на православие.

Писатели и мыслители в России глубоко познали «пустоту», «непостоянство», «ничтожество» бытия сего мира. Но они не ограничивались лишь познанием «пустоты», а стремились противопоставить ей осмысление собственного *ego* и окружающего мира. Замечательный пример преодоления пустоты силой таланта и благородством души мы видим у Пушкина.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Равнодушное отношение к жизни и смерти в немалой степени определяет духовное сходство между русскими и японцами. Обоим народам присуще чувство пустотности сего мира. Японцы, например, долгие годы учились азбуке (48 букв) по стихотворению следующего содержания:

Все на свете, что блещет и благоухает,
обречено на исчезновение.
Наш мир не знает постоянства.
Сегодня мы шагаем по долгому пути
через горы бытия и наших дел.
Видим мимолетные сны
и не опьяняемся мечтами.

С самого детства проникает понятие пустоты в сознание японцев, потому что буквы азбуки в стихотворении как бы сами передают непостоянство мира. Не свойственно ли и русским это чувство бренности?

Пушкин считал идею «vanité» следствием чувства мнимого превосходства. Он сознает пустотность мира, но противопоставляет ничтожеству, пустоте, тщете и суетности бытия «мысль человека». Что значит «мысль человека»? Отсюда берет начало духовный и интеллектуальный поиск великой русской литературы. И, как это ни странно, пути этого поиска во многом совпадают с путями литературы японской.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНЦЕПЦИЯ И СМЫСЛ

**Сборник статей в честь 60-летия
профессора В. М. Марковича**

*Под редакцией
А. В. Муратова и П. Е. Бухаркина*

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1996